

Р.Н. Рахимов (Уфа)

ЭВОЛЮЦИЯ ВООРУЖЕНИЯ БАШКИРСКОЙ КОННИЦЫ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. от башкиро-мещерякского войска приняло участие 20 башкирских и 2 мещерякских пятисотенных конных полков. Обмундирование было произвольным, лошади – верховая и запасная с тюком – были собственные. Вооружение и снаряжение башкирами приобреталось также за свой счет и состояло в основном из лука со стрелами; некоторые башкиры имели ружья, пики и сабли. Из-за лука и стрел, а также небольшого роста башкирской лошади, французы, впервые увидевшие башкир и испытывавшие на себе их стрелы под Тильзитом в 1807 г., назвали их «северными амурами».

Отсутствие огнестрельного оружия было следствием указа от 11 февраля 1736 г., по которому башкирам было запрещено иметь кузни и ружья. Указ появился в ходе подавления башкирского восстания. Запрет сохранялся вплоть до введения кантонной системы в 1798 г. Хотя потом башкирам разрешалось иметь огнестрельное оружие, однако на протяжении нескольких поколений был утрачен навык обращения с ним, и наоборот, искусство стрельбы из лука достигло своего совершенства.

В основе комплекса вооружения башкир лежал мощный боевой многослойный лук (адрина), который хранился в кожаном налучнике (һадак). Башкирский лук отличался от северно-русского и сибирского большей изогнутостью и меньшей длиной. Отличался он от охотничьего (йа), изготовленного из вяза или березы. Башкирские луки, как боевые, так и охотничьи, были небольшого размера, первый не более 1 м, а последний – 1,5 м. Боевые стрелы (ук)

имели железные наконечники разных форм (удлиненную четырехгранную, плоскую лавровидную, в том числе были наконечники, предназначенные для пробивания кольчуги) и незначительное оперение. Длина стрел была примерно 1,2 м, они хранились в колчанах (ук хадак) по 16–25 штук острием вниз. Колчаны изготавливались из дерева, кожи, бересты. Составной лук изготовлялся из нескольких пород древесины: лиственницы и березы, склеенных особым клеем и обернутых берестой или сухожилиями. Места изгиба усиливались роговыми пластинами. Известны и полностью роговые луки. Тетива (кереш) боевого лука была из сухожилий или из шелка. Изготовление стрел было достаточно сложной работой, поэтому после боя они собирались. Случай с башкирской стрелой, попавшей в нос французскому полковнику в бою под Тильзитом, и башкиром, желавшим ее получить целой, является показательным¹.

Интересно, что французы и немцы упорно считали, что башкирские стрелы отравлены. Р.Т. Вильсон, рассказывая о французе, взятом в плен в 1807 г., сообщает, что «офицер, раненый в бедро стрелой, вынул ее, но был всерьез встревожен ложным представлением о стрелах, якобы отравленных»². В.И. Гете, которому башкиры в 1814 г. подарили лук и стрелы, также считал, что последние могли быть отравлены³.

Стрельба из лука осуществлялась как с места, так и в движении. Башкиры равно хорошо вели обстрел противника как прямо, так и по монгольскому обычаю, перпендикулярно движению, развернувшись в седле. Для скорострельности стрелявший вынимал из колчана и держал наготове несколько стрел в левой руке вместе с луком, а несколько – во рту. Именно такой прием изображен на гравюре немецкого художника И.Г. Шадова.

Искусство стрельбы из лука у башкир наблюдал во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. русский офицер А.Н. Оленин, в будущем Президент Академии художеств. Он же был переводчиком во время переговоров, и когда шведский король Густав III пожелал познакомиться с башкирами, то он представил ему своего «башкирского начальника» – Акчур-Пая (по нашим предположениям, это – Кучербай Аксулпанов, первый из башкир, получивших дворянство). Оленин описал его джигитовку: «Сей смелый всадник <...> перекинул стремяна через седло коня своего, чтобы сделать их довольно короткими, дабы можно было стоять прямо на ногах, на скаку, во всю конскую прыть, не садясь на седло. После

сего первого приема, [он] положил на землю старую шапку и пустил лошадь шагом до некоторого расстояния. Приехав на место, ему нужное, он вдруг поворачивает своего коня и бросив поводья на его шею, проскакивает во весь дух мимо шапки, на несколько десятков сажень. Тут поворотясь назад на своем седле, все скакав во весь дух, он простреливает шапку насквозь <...> Проскакивая опять подле шапки и возвращаясь к тому месту, откуда пустился скакать, он повторил тот же прием, и обе стрелы составили над шапкой род литеры Х. После сего действия и опять на всем скаку, [он] бросил вверх яйцо и разбил его при падении, пустив в него стрелу, быструю как молния. Наконец, он вынул из своего тула старую стрелу и бросил ее на землю, потом, подняв ее рукою не слезая с лошади и все скакавши во всю прыть, он бросил ее вверх и на лету расколол, подобно яйцу, пустивши в него новую, свежую стрелу»⁴. Военные игры башкир, связанные со стрельбой из лука, наблюдал А.Х. Бенкендорф в начале XIX в. на Оренбургской линии: «Самым красивым, но и самым опасным зрелищем было, когда один из них водружал на свою пику шапку и неся во весь дух, преследуемый всей группой, которая старалась сбить эту шапку стрелой или пистолетным выстрелом»⁵.

В первой половине XIX в. стрельба из лука – по-прежнему любимое занятие башкир. В.М. Черемшанский: «башкиры метко стреляют из ружей и луков, – последними действуют с такой силой, что пущенная стрела на недалеком расстоянии, как, например, саженьях на 15, пронзает насквозь не только человека, но даже лошадь»⁶. П. Размахнин: «Они все вообще искусно ездят верхом, большие мастера управлять пикой, стрелять из ружей и особенно из луков. Последнее искусство доведено у башкирцев до такой степени совершенства, что многие из них каждый раз безошибочно попадают стрелюю в самые малые предметы, например, в воробья, находящегося от них шагов во 100 и далее»; аноним: «40 шагов есть среднее расстояние для верного выстрела. В сражении башкирец передвигает колчан со спины на грудь, берет две стрелы в зубы, а другие две кладет на лук и пускает мгновенно одну за другую; при нападении крепко нагибается к лошади и с пронзительным криком, раскрытою грудью и засученными рукавами смело кидается на врага и, пустивши 4 стрелы, колет пикою»⁷.

Примерно также описывали башкир иностранные авторы. Ж.-Б. Бретон: «Башкирские воины вооружены длинной пикой,

украшенной флажком, по которому они определяют офицера, саблей, луком и колчаном с двадцатью стрелами. Луки у них небольшие, имеют типичную азиатскую форму и, как правило, грубо выделаны. На наконечниках стрел мало перьев. Однако стреляют они отменно, с удивительной меткостью»⁸. Французский офицер Комб в 1812 г. видел, что башкиры «были вооружены луками и стрелами»⁹. Французский офицер Рюпшель, попавший в плен в этом же году и наблюдавший башкирский полк на марше, сообщает, что «вооружены они были казачьими пиками, большими кожаными колчанами с луком и стрелами, также маленькой саблей»¹⁰. Немецкие жители, свидетели событий 1813 г. указывают на преобладание у башкир луков и стрел¹¹. Еще один офицер армии Наполеона М. Марбо, характеризуя прибывшее под Лейпциг подкрепление, отмечает, что башкиры на вооружении имели «только луки со стрелами»¹².

В вооружение башкирского воина входило древковое оружие – копьё или пика произвольной длины, с железным наконечником, иногда украшенная пучком конских волос. Судя по рисункам современников, отдельные башкиры имели трофейные калмыцкие бамбуковые пики, доставшиеся их предкам еще в XVIII в.

Часть башкир имела сабли, клинки которых украшались серебряной насечкой с растительным орнаментом, либо сурами из Кора. Судя по сохранившимся рисункам, это были сабли персидские, русские легкокавалерийские образца 1798 г. и гусарские XVIII в., немецкие, французские легкокавалерийские. Некоторые сабли были самодельные, это те самые, которые Рюпшель называл «маленькими». Об одной из них сообщает врач Великой армии Г. Роос: «Мы нашли стрелы и какое-то, по-видимому башкирское, оружие – не нож и не саблю, а соединение их обоих, длиной в локоть»¹³. С 1805 г. башкирским, мишарским и тептярским чиновникам, не имевшим действительных офицерских чинов, официально разрешалось носить серебряный темляк¹⁴. Конный воин имел плетеную из сыромятной кожи плетку, поскольку «они носили сапоги без шпор, а вместо них использовали нагайку»¹⁵.

Незначительное число воинов имело огнестрельное оружие – турку, наличие которой предполагало шомпол, пороховницу из рога (ку-тукса), кожаные мешочки для пуль (ядра халгыз) и для пыжей (улься), костяную или металлическую мерку для пороха (джау), пулелейку, запас свинца и пороха.

Защитное вооружение составляли шишаки, шлемы, проволочные кольчуги (тимир кульмяк), металлические панцири, наручи, кожаные доспехи¹⁶. Башкиры ценили оружие и снаряжение, оно украшалось серебром, бережно хранилось и передавалось по наследству. Такой комплект вооружения позволял башкирам достаточно успешно нести пограничную службу на Оренбургской линии и выходить победителями при боевых столкновениях со степняками. В XVIII в. вооруженные таким образом башкиры успешно использовались командованием в Северной и Семилетней войнах, Польском походе 1771–1773 гг., русско-шведской войне 1788–1790 гг.

К началу Отечественной войны 1812 г. в армии находились 1-й и 2-й башкирские полки, сформированные по указу Александра I еще в июне 1811 г. При их формировании в отношении оружия указывалось, что оно должно быть «употребляемое по их обыкновению»¹⁷. В этих полках некоторая часть воинов имела огнестрельное оружие. Сохранились документы, свидетельствующие об участии башкир этих полков в перестрелках во время арбергартных боев лета 1812 г. О том, что башкиры 1-го полка на вооружении имели короткие пики или копыя, свидетельствует в своих мемуарах офицер ополчения, встретивший ночью башкирскую сотню под Москвой: «ближе подъехали, видим – башкирская рота, и их дротики, у седла приставленные, видны были нам с горы»¹⁸. Оба башкирских полка активно участвовали в боевых действиях под Гродно, Миром, Романовым, Кобрине, Иньково, Валутиной Горой, Бородино, Можайском, Несвиже, партизанских действиях под Москвой.

В ходе войны башкиры, понимая несоразмерность своего вооружения с оружием противника и разницу в высоте лошадей, стремились не вступать в прямой контакт с французской кавалерией, поскольку по свидетельству Марбо: «когда нашим кавалеристам это удавалось, они безжалостно и во множестве убивали башкиров, ведь наши пики и сабли имели громадное преимущество над их стрелами»¹⁹. Башкир Джантюря, вспоминая впоследствии, как на полусотню башкир напали 20 французских кирасиров, «тех, что носят стальные доски на груди», сообщил ужасающий результат этого боя – французам осталось 12 человек, они убили 25, а 25 оставшихся в живых, но раненых башкир взяли в плен²⁰. Сам Джантюря объяснил, как он смог убить в бою одного из кирасиров:

«мы вскочили на коней, пики приперли к седлам и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навывлет проколлот одного»²¹.

Интересно, что наблюдательный Марбо не только видел атаки башкир, но пытался проанализировать их на предмет рациональности и эффективности. Так, он полагал, что «башкиры, не умеющие подчиняться никаким командам, не знали, как строиться в ряды», поэтому отсюда делал вывод, что «башкирские всадники не могли стрелять горизонтально, не убивая и не ранив своих же товарищей, скакавших перед ними». Далее он описал стрельбу: «Башкиры пускали свои стрелы по дуге в воздух, и стрелы при этом описывали большую или меньшую кривую, в зависимости от того, насколько удаленным от себя лучники считали врага. Однако такой способ пускать стрелы во время боя не позволяет точно прицелиться, поэтому $\frac{9}{10}$ стрел падают впустую, а то небольшое количество, какое достигает противника, при подъеме уже теряет почти всю силу, что сообщает стреле тетива лука. Поэтому, когда стрела попадает в цель, она имеет лишь силу собственного веса, а он совсем не велик, из-за этого стрелы обычно наносили только очень легкие ранения»²². В данном случае он считал, что у башкир тактика влияла на способ применения оружия, когда на самом деле наоборот, характер вооружения диктовал тактические приемы. Способ стрельбы был вполне продуманным, поскольку в бою невозможно убить всех противников, главная задача – вывести их из строя, нанеся ранения, стрельбой из лука выполнялась вполне. Это и видно из описания, поскольку «некоторое количество стрел, выпускаемых в воздух, все же наносило кое-какие тяжелые ранения. Так, один из самых смелых моих унтер-офицеров по фамилии Меслен был пронзен стрелой насквозь. Стрела вошла в грудь и вышла из спины! Бесстрашный Меслен схватил эту стрелу двумя руками, сломал ее и сам вырвал оба обломка стрелы из своего тела. Однако это не могло его спасти: он скончался через несколько мгновений»²³. Здесь стоит отметить, что сам Марбо был тоже ранен стрелой в ногу.

При атаке противника башкиры окружали его, образуя кольцо, и обстреливали стрелами. Тактика была универсальной по отношению к кавалерии и пехоте, построенной в каре. В 1812 г. в бою под Миром ее применение описал очевидец-поляк: «В мгновение ока равнина у Симаково была затоплена легкими войсками. Мы выдвинули вперед 3-й уланский, чтобы освободить 7-й. Полковник

Радзиминьский с кипучим рвением воодушевил своих солдат, обрушился на казаков, которые отступили, но было опрометчивой дерзостью атаковать драгун русского резерва, что вынудило генерала Турно ввести в дело остаток своей бригады. Тогда толпы башкиров, калмыков и казаков обошли кругом эти неподвижные эскадроны, отрезая им обход и связывая их узлом»²⁴.

В Отечественной войне 1812 г. башкирская конница часто применялась вместе с казаками. Это предполагало использование ее не только в перестрелках и нахождение на аванпостах, но и в непосредственно боевых столкновениях с пехотой и кавалерией, с применением пик и сабель. Сформированные же летом 1812 г. 18 полков башкир на вооружении имели только лук и стрелы. В сложившейся ситуации командование пыталось исправить явный дисбаланс. Так, 12 ноября А.А. Аракчеев предписал вооружить 3–5-й башкирские полки, шедшие к П.Х. Витгенштейну, пиками, поскольку кроме луков и стрел они не имели никакого другого вооружения, изготовлением же пик должен был заняться псковский гражданский губернатор²⁵. По краткости времени, нет никакой уверенности, что это предписание было выполнено. Вероятно, слабость вооружения некоторых башкирских частей определила дальнейшее их использование в качестве конвоя для военнопленных и отправления полицейской службы в Белоруссии. Использовались они в качестве «летучей почты» в Польше, находились в блокадных корпусах вокруг неприятельских крепостей (Модлин, Данциг, Глогау, Гамбург).

Надо признать, что военное командование берегло легкую конницу, пусть и национальную, стараясь не использовать ее в прямых столкновениях с кавалерией противника. Например, известно, что башкиры 1-го полка участвовали в перестрелках за день перед Бородинским сражением и на следующий день за ним были в арьергардном бою под Можайском. Во время самого сражения они были направлены на место впадения Колочи в Москву-реку в качестве наблюдательного отряда, обозначая крайний правый фланг русской армии.

Несмотря на это, некоторые башкирские полки (1-й, 9-й) участвовали в боевых действиях в 1813–1814 гг., находясь в авангарде союзных армий. Такое положение не исключало для их воинов как боя на дистанции – перестрелки, так и ближнего, контактного боя с использованием холодного оружия – пик и сабель. Документы

подтверждают наличие у башкир в этих полках холодного оружия. Так, 21 марта 1813 г. в бою под Люнебургом отличившиеся башкиры 1-го полка «первые врезались в кавалерию и пехоту, прикрывающую батарею, избивая неприятеля пиками...»²⁶.

Наличие у башкир трофейного холодного оружия и пистолетов наряду с луком и стрелами показывают изобразительные источники. Акварели Г.Э. Опица, акватина Ф.И. Югеля «Первые казаки в Берлине 20 февраля 1813 года» и гравюра К.Л. Кубейля «Башкир. Унтер ден Линден. 11 марта 1813», воспроизводящие конников 1-го Башкирского полка. На акватине братьев Зур «Башкиры в разрушенных предместьях Гамбурга в 1814 году», являющейся своеобразным «групповым портретом» воинов 15-го Башкирского полка, мы обнаруживаем пики, пистолеты, различные сабли.

В ходе боевых действий башкиры вновь обратились к огнестрельному оружию, также заимствуя его в качестве трофея. Они освоили стрельбу из карабинов, но наиболее популярными у них, как и у казаков, были кавалерийские пистолеты, которые носились ими заткнутыми за кушак. О примерном соотношении количества карабинов и пистолетов, например в 1-м Башкирском полку, позволяют судить записи в журнале отдельного летучего отряда генерал-лейтенанта графа М.С. Воронцова о том, что «в прежде бывших сражениях и авангардах, перестрелках с неприятелем в продолжении настоящей компании разстрелял ружейных 4015, пистолетных 2015 патронов <...> разстрелянные в бывших с неприятелем перестрелках 25 и 26 числа сентября при г. Лейпциге ружейных 2000 и пистолетных 1270 боевых патронов»²⁷. Можно считать, что соотношение карабинов и пистолетов примерно было 2:1.

Военное командование никаких специальных мер для вооружения национальной конницы холодным или огнестрельным оружием в течение 1813–1814 гг. не предпринимало. Начиная Отечественную войну в 1812 г., имея в качестве основы своего вооружения архаичные лук и стрелы, к 1814 г. башкиры самостоятельно дополнили его современным – пиками, саблями, ружьями, пистолетами.

Верность «дедовскому», старому, но проверенному оружию – луку и стрелам башкиры сохранили, несмотря на тесное знакомство с трофейными образцами европейского оружия. Русские офицеры участники Заграничного похода, в 1814 г. находясь в Париже, наблюдали башкир по-прежнему с луками и колчанами стрел: «Проехавший башкирец, в красном кафтане и в желтой ушастой лисьей

шапке, с колчаном и стрелами за спиной, среди этого народа надеялся много смеха»²⁸. И.И. Лажечников: «Там, где парижский щеголь подавал своей красавице пучок новорожденных цветов и трепетал от восхищения, читая ответ в ласковых ее взорах, стоит у дымного костра башкирец, в огромной, засаленной шапке с длинными ушами, и на конце стрелы жарит свой бифштекс»²⁹.

Надежность и безотказность традиционного оружия, его простота и дешевизна играли существенную роль в представлениях башкир о целесообразности его сохранения. В их системе ценностей боевой лук и стрелы занимали почетное место. Это подтверждается рядом известных фактов. В 1814 г., проезжая через Веймар, башкиры познакомились с великим немецким мыслителем и поэтом В. Гете. Он принял их у себя дома, содействовал их просьбе провести мусульманское молебствие в помещении местной школы, а затем пригласил их вечером в театр. В знак благодарности один из знатных башкир (дуван – князь) подарил ему свое оружие – лук и стрелы. В этом случае можно вспомнить и то, что в 1807 г. во время представления Наполеону Александром I казаков, калмыков и башкир, атаман М.И. Платов подарил французскому полководцу свой охотничий лук.

Еще один факт, скорее всего, артефакт, подтверждающий высокий ранг лучного оружия у башкир. Это стрела в шаре шпиля кирпичи в г. Шварц (Германия). По окончании Заграничного похода, проходя территорию имперского княжества Шварцбург-Рудольштадт (Тюрингия), 14 апреля 1814 г. в г. Шварц, во дворе церкви Св. Лаврентия башкиры одного из полков (предположительно 9-го) показывали местным жителям искусство стрельбы из лука. Принц Карл Понтер, сын правящего князя Фридриха Понтера, усомнился в боевых качествах лука и стрел. Возник спор, и по его условию, башкирский воин, спешившись, пустил стрелу в шар в шпиле кирпичи, находясь на противоположном углу городской площади. Стрела, пронзив шар, застряла в нем, спор был выигран. Жители города сохранили стрелу как память о башкирах, впоследствии передали в музей, заменив железной копией на шпиле, существующей до сих пор.

Таким образом, вооружение башкирской конницы, принявшей массовое участие в наполеоновских войнах в 1812–1814 гг., в связи с разнообразием форм ее боевого применения эволюционировало в сторону стандартного набора оружия европейской легкой

кавалерии: пика, сабля, карабин (пистолет). Этот универсальный набор вооружения позволял использовать легкую кавалерию как против пехоты, так и против легкой кавалерии противника в атаках холодным оружием, перестрелках, сторожевом охранении, конвоях, крупных сражениях и партизанских рейдах. Башкиры были здесь не оригинальны. Такую эволюцию вооружения в это время проделывала вся русская иррегулярная кавалерия: казаки, калмыки, крымские татары, мишари. Осуществлялась она в первую очередь за счет трофейного огнестрельного (пистолеты) и холодного (сабли) оружия, поэтому для набора оружия характерно разнообразие калибров, длины клинкового оружия, размеров и форм пик. Однако эволюция вооружения башкирской конницы в 1812–1814 гг. имела свою особенность. Активно заимствуя современное европейское оружие, башкиры остались в большей степени традиционалистами, сохраняя в качестве основы вооружения средневековый комплекс, предназначенный для лучного боя.

¹ Давыдов Д.В. Тильзит в 1807 году // Сочинения в трех томах. СПб., 1893. Т. 1. С. 294–296.

² Цит. по: «Любезные вы мои...» Уфа, 1992. С. 228. Перевод А.З. Асфандиярова.

³ Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 490.

⁴ Оленин А.Н. Археологические труды. СПб., 1882. Т. II. С. 85.

⁵ Бенкендорф А.Х. Мое путешествие на край ночи и к границам Китая // Наше наследие. 2004. № 71. С. 63.

⁶ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 138, 139.

⁷ Р–НП. Сведения о башкирцах // Московский телеграф. 1832. № 21. С. 274–275; Замечания о башкирцах // Журнал Министерства внутренних дел. 1834. № 7–8. С. 310. Цит. по: «Любезные вы мои...». С. 226–228.

⁸ Бретон Ж.-Б. Россия, или нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи. Т. I–VI. Париж, 1813 // Воины Российской империи. Комплект открыток. М., 1992. Т. III. С. 120.

⁹ Французы в России, 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. I. С. 144.

¹⁰ Ruppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912. S. 138–139. Перевод предоставлен С.Н. Хомченко.

¹¹ Bauke D. Mittheilungen über die Stadt und den Landraethlichen Kreis Gardelegen. Stendal, 1832; Daneil J. F. Die ersten Kosaken in Salzwedel // Die Altmark. Ein Lesebuch. Rostock, 1988. S. 119–120; Hussell. Die ersten russen in Leipzig //

Kampf um freiheit. Dokumente zur zeit der nationalen erhebung. 1789–1815 / Herausgegeben von F. Donath und W. Markov. Berlin, 1954. S. 325.

¹² Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 660.

¹³ Роос Г. С Наполеоном в Россию (Записки врача Великой армии). М., 2003. С. 39.

¹⁴ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 31.

¹⁵ Rüppel E. Ibid. S. 139.

¹⁶ Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 20.

¹⁷ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24583.

¹⁸ Благоевещенский И.М. Из воспоминаний. 1859 г. // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 419.

¹⁹ Марбо М. Указ. соч. С. 661.

²⁰ Зефириков В.В. Рассказы башкирца Джантюри // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. 1. С. 410. Жена Джантюри в начале боя усакала за подкреплением, и когда башкир вели в плен, на французов напала сотня донских казаков, которые в свою очередь взяли в плен французов и освободили башкир. С казаками была его жена, сообщившая им о нападении.

²¹ Там же.

²² Марбо М. Указ. соч. С. 674.

²³ Там же.

²⁴ Турно К. Воспоминания польского офицера // Воин. 2002. № 10. С. 47.

²⁵ Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Л.; М., 1941. С. 37–38.

²⁶ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208В. Св. 47. Д. 4. Л. 103–104.

²⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2025. Л. 317 об., 353 об.

²⁸ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 3. 1814-й год. Война во Франции. С. 153.

²⁹ Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. СПб., 1820. С. 245.